

УДК 338.222

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-2-76-85

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕР В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССОВ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE POLITICAL AND ECONOMIC SPHERES IN TERMS OF PUBLIC ADMINISTRATION DECENTRALIZATION

*И. В. Романова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru*

*I. Romanova,
Transbaikal State University,
Chita*

*Е. В. Булах,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток
bulakhev@gmail.ru*

*E. Bulakh,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

*Т. А. Васильева,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток
vasileva.ta@dvfu.ru*

*T. Vasilyeva,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

Представлен комплексный анализ факторов, определяющих институциональное развитие политической и экономической сфер в современной России в условиях протекающих процессов децентрализации государственного управления. Степень централизации любой организации определяется степенью концентрации возможностей и официального принятия решений на индивидуальном или групповом уровнях. Функциональная же сложность организационного устройства определяет структурную композицию централизованных и децентрализованных функций организации. Отмечено, что рыночное экономическое пространство как и пространство административно-централизованной экономики не свободно от процессов экономической централизации и концентрации экономической власти в монопольной форме. Административные системы формируют монополизм на политической основе, на основе власти как инварианта собственности, поэтому привилегированное положение предприятий является результатом не их экономического превосходства, а мер политического характера. Отмечается факт некоторой подмены экономических институтов централизмом политического руководства. Отсюда следует, что развитие институциональной структуры современного российского общества не должно ограничиваться пересадкой рыночных институтов западного общества на российскую почву. На основании проведенного исследования установлено, что децентрализация государственного управления, или смягчение его пресса непосредственно связано с формированием институциональной структуры рыночного общества, целью экономической политики реформируемого общества. Осуществление децентрализации может происходить как административная реформа путем делегирования центральной администрацией ряда властных полномочий другим административным структурам, наделением последних самостоятельностью в тех или иных сферах в соответствии с нормами административного права

Ключевые слова: экономическая система; экономическая политика государства; политический процесс; рыночная экономика; субъекты экономической политики; экономические реформы; кризисные характеристики; политические акторы; экономические программы; политическая стабильность

The article presents a comprehensive analysis of the factors that determine the institutional development of political and economic spheres in modern Russia in the conditions occurring governance decentralization processes. The degree of centralization of any organization is determined by the degree of concentration of the opportunities and formal decision-making at the individual or group level. The functional complexity of the organizational structure defines structural composition of centralized and decentralized functions of the organization. In the article it is noted that the market economic sphere as well as sphere of administrative-centralized economy, is not free from the process of economic centralization and concentration of economic power in the form of monopoly. Administrative systems form the monopoly on political basis, on the basis of power as property of the invariant, so preferred situation of enterprises is not the result of their economic dominance and political measures. The fact of some substitution of economic institutions centralism political leadership is stated in the article. It follows that the development of the institutional structure of a modern Russian society should not be limited to a change of market institutions of the western society on the Russian land. On the basis of the study it was found that the public administration decentralization or its press mitigation is directly related to the institutional structure of the market society, the purpose of a reformed society of economic policy. Implementation of decentralization can occur in a form of an administrative reform and delegation by the central administration of a number of powers to other institutional infrastructure that has the independence in various fields in accordance with the rules of administrative law

Key words: economic system; economic policy of state; political process; market economy; subjects of economic policy; economic reforms; crisis characteristics; political actors; economic programs; political stability

Организационная теория утверждает, что современные организационные структуры не являются абсолютно централизованными, равно как и децентрализованными. Абсолютная централизация — это «монада», полностью лишенная какой-либо структурности, «атом», «неделимый» в демокритовском понимании этого слова. Абсолютная децентрализация представляет собой механический конгломерат «атомов», лишенный какой-либо структурности, так как структурность — это некая связь, система существующих отношений.

Поскольку реально существующие организации представляют собой ту или иную форму организационного структурирования, то централизация и децентрализация как идеальные конструкции всего лишь отмечают точки на теоретической шкале, определяющей принадлежность реальной организации к тому или иному типу организационных структур.

Степень централизации организации определяется степенью концентрации возможностей и официального принятия решений на индивидуальном или групповом уровнях, что в свою очередь определяет степень участия работников в принятии решений, влияющих на их деятельность [8].

Степень децентрализации организации определяется по ряду характерных признаков:

1) количество решений, принимаемых на нижестоящих уровнях управления. Чем больше количество решений, которые принимают нижестоящие руководители, тем выше степень децентрализации;

2) важность решений, принимаемых на нижестоящих уровнях. В децентрализованных организациях руководители нижнего уровня управления могут принимать решения, связанные с большими затратами средств, в то время как в централизованных организациях это, как правило, малобюджетные решения;

3) последствия решений, принимаемых на нижестоящих уровнях. В децентрализованных организациях решения принимаются по значимым вопросам, поэтому последствия их реализации для структуры также важны;

4) количество контроля за работой подчиненных. В организациях с высокой степенью децентрализации руководство высшего звена редко осуществляет контроль за текущей, рутинной деятельностью, редко проверяет повседневные решения. Контроль осуществляется периодически по суммарным результатам [6].

Функциональная сложность организационного устройства определяет структурную композицию централизованных и децентрализованных функций организации. Всегда есть функции, централизация которых выгодна организации в целом. В то же время поуровневое распределение и рассредоточение иных функций благоприятно сказывается на реализации целей и задач организации. Централизация и децентрализация управления — это относительные принципы организационного строения, трансформирующиеся в процессе функционирования организации. Жизненный цикл организации обычно включает формирование, развитие, изменение композиции централизованных и децентрализованных функций, в зависимости от изменения задач организации.

Государство как управляющая организационная структура характеризуется определенной степенью централизации, концентрации политико-экономических решений, в зависимости от целевых функций, которые в ситуации рыночной трансформации представляют собой управление процессом преобразования институциональной структуры общества плано-централизованной экономики в институциональную структуру рыночного децентрализованного хозяйства [1].

Рыночное общество как идеальный тип характеризуется тем, что действующие в нем акторы не только выступают в качестве хозяйствующих субъектов, производителей определенных товаров, но и как субъекты, самостоятельно принимающие хозяйственные решения на основе приоритетов экономических механизмов согласования интересов. В результате складывающиеся в этих условиях отношения характеризуются свободой движения товаров, капиталов и рабочей силы. В идеале рыночное экономическое пространство характеризуется полицентризмом принятия хозяйственных решений, а единство пространства обеспечивается степенью интеграции интересов собственников и производителей.

Отличительной особенностью рыночного экономического пространства является добровольное объединение интересов

собственников и производителей, и как добровольная ассоциация собственников оно достаточно устойчиво по отношению к разрушительным для него политическим тенденциям. В то же время единые системы, такие как законодательная, финансовая, денежно-кредитная, налоговая, таможенная и др. представляют для хозяйственного субъекта определенный набор стимулов, ограничений его деятельности. Названные системы формируются на определенном уровне государственного управления и обеспечивают достаточную для рыночного общества степень централизации. Только в этом случае можно говорить о сформированности институциональной структуры цивилизованного рынка.

При централизованном управлении экономическим пространством формируется бессубъектная система экономической деятельности, поскольку субъектность определяется способностью самостоятельно управлять собственной деятельностью в условиях проблемной ситуации без риска снизить свой статус [7]. Субъектность предполагает обладание хозяйственной властью как возможностью хозяйствовать, создавать условия хозяйствования, целенаправленно влиять на хозяйственные субъекты и на всю хозяйственную жизнь.

Однако в централизованно управляемом хозяйстве существует единственный субъект хозяйственной власти, управляющий экономическим процессом внеэкономическими способами, часто и внеэкономическими. То же самое касается и механизмов согласования интересов. Объявляя особенности централизованно-административного хозяйства, В. Ойкен отмечал, что нет другой хозяйственной системы, где имела бы большая концентрация хозяйственной власти, здесь «экономическая власть не ограничена хозяйственными факторами. Каждый член сообщества полностью зависит от хозяйственного руководства центральной администрации и ее бюрократии и не имеет никакой экономической свободы и самостоятельности» [5].

Рыночное экономическое пространство, как и пространство административ-

но-централизованной экономики, будет не свободно от процессов экономической централизации и концентрации экономической власти в монопольной форме. В. В. Радаев определяет монополизм как исключительное положение одного из экономических субъектов, возникающее из права собственности или из обладания политической властью, дающей возможность диктовать свою волю всем прочим субъектам, регулировать производство данного вида продукции и устанавливать господство на рынке [4]. Монополии рыночного общества вырастают, как правило, из рыночной конкуренции. И даже если в процессе образования монополий конкретными лицами применялись не только экономические, но и насильственные меры (мошенничества, открытые грабежи, физическое устранение конкурентов и т.п.), то все равно в основе процесса лежали принципы экономического обобществления производства. Административные системы формируют монополизм на политической основе, на основе власти как инварианта собственности, поэтому привилегированное положение предприятий является результатом не их экономического превосходства, а мер политического характера [4].

Классическим примером монополизма на политической государственной основе был монополизм советского типа, отличающийся от капиталистического монополизма масштабами, устойчивостью, источником, характером субъекта. По мнению Л. Колсалса, эти особенности следующие:

1) источник. Если капиталистический монополизм вырастает из конкуренции, то социалистический монополизм устраняет всякую конкуренцию;

2) масштабы. Если при капитализме монополизм охватывает только отдельные сектора экономики, то социалистический монополизм был всеобщим, тотальным;

3) устойчивость. Капиталистическая монополия находится под постоянной угрозой потери своего экономического положения, социалистическому субъекту-монополисту это не грозит;

4) субъект. Монополизм при социализме носит государственный характер, субъекты-монополисты являлись частью государственного аппарата. При капитализме — это частные лица и негосударственные организации [3].

Обобщив имеющиеся исследования в этом вопросе, можно сформулировать черты советского монополизма, которые определили неэкономический характер управления экономикой, и рассмотреть внеэкономическую институциональную структуру управления экономикой в условиях жесткого монополистического централизма. Монополизму советского типа присущи следующие основные черты:

1) гарантированность и стабильность положения монополиста: вся собственность государственная, поэтому нет института банкротства;

2) тотальный масштаб монополизма, основывающегося на социалистической общегосударственной собственности;

3) монополист в лице государственной власти формирует благоприятную для себя политико-экономическую институциональную среду, что выражается в создании для себя и других определенных «правил игры», организационных структур и т.д.;

4) государство-монополист осуществляет полный контроль над управленческими взаимодействиями, экономическими связями предприятий, полный информационный контроль;

5) экономическое взаимодействие превращается в обмен услугами, а вследствие гарантированного положения на рынке отсутствует заинтересованность монополиста в конечном результате;

6) тотальный монополизм формирует тенденцию к анонимности государственной собственности, которая трансформируется в корпоративную, ведомственную;

7) происходит тесное сращение управленческих кадров различных монопольных структур вследствие анонимности, деперсонифицированности социалистической собственности;

8) монополизм носит «вертикальный» характер в результате жестких управлен-

ческих зависимостей «руководитель-подчиненный» на всех уровнях государственного управления;

9) монополизм советского типа предполагает право создания организаций только сверху решениями органов государственного управления, поэтому непредприниматели как самостоятельные экономические субъекты (их не было), а только номенклатура, государственные чиновники имеют право на организационное творчество;

10) политический монополизм, жесткий централизм государственного управления привел к формированию общего экономического пространства советского типа, как особой интегральной экономической совокупности, которая развивалась на основе собственных законов, отличных от законов функционирования экономического пространства рыночного типа. Нормы политического управления в нем находились выше требований экономики.

Типологические черты монополизма советского типа связаны непосредственно с особенностями институциональной структуры. В условиях жесткого централизма основным институтом, который осуществлял управление экономикой, являлся политический институт ЦК КПСС и его вторая сущность – государство. Что касается специфических для экономики институтов, базирующихся на негосударственных организациях, то таковых в СССР не существовало. Специфические институты, управлявшие экономикой, не являлись экономическими, а носили скорее идеологический характер и были возможны только в административно-централизованной экономике: институт партийно-государственной собственности, институт планирования, институт фондирования, институт уравнительного вознаграждения за труд, институт социалистического соревнования, институт участия горожан в сельскохозяйственных работах.

Необходимо отметить факт подмены экономических институтов централизмом политического руководства. Отсюда следует, что развитие институциональной структуры современного российского общества

не должно ограничиваться пересадкой рыночных институтов западного общества на российскую почву. Чтобы рыночные институциональные заимствования приживались на политической почве, как минимум, необходима дифференциация политической, экономической сфер общества, плюрализация социального порядка с точки зрения сфер социальной жизнедеятельности. Причем эта тенденция свойственна не только российскому переходному обществу.

Социальный порядок в классической теории Т. Парсонса выступает как неслучайность социального взаимодействия акторов, противостоящая хаосу социальной жизни. Социальный порядок определяют прочно установленные, объемлющие все общество и стабильно воспроизводимые во времени взаимодействия. Общество структурно предстает как некоторая совокупность подсистем с относительно высоким уровнем социального взаимодействия и тесными социальными связями. П. Бурдьё называет их «полями» [10].

Поля существуют как открытые социальные системы, которые обмениваются потоками природных и социальных ресурсов: информацией, товарами, капиталами, новыми технологиями, ценностями и иными ресурсами. Различным социальным полям свойственны собственные законы организации этих потоков, различная способность их эффективно перерабатывать. Эти собственные законы определяют особенности структурной институциональной организации полей – политики, экономики, культуры и т.п.

Общей тенденцией конституирования полей – сфер социальной жизни был синкретизм, первоначальная их включенность в структуры политического и религиозного полей с последующей автономизацией. Д. Белл выделял в истории доэкономическое, экономическое, постэкономическое состояния. При этом он подчеркивал, что хотя любое общество не может освободиться от экономических критериев, все же анализ, к примеру, античных хозяйственных структур показывает, что они не являются в полном смысле экономикой, а соответ-

ствующие общества — экономическими обществами [4]. Свое суждение Д. Белл основывает на том факте, что общественное хозяйство организовано на основе политической целесообразности и не связано единым хозяйственным механизмом.

Процесс автономизации полей — это процесс отпадения от законов доминирующего поля, выделения социальной группы, претендующей на власть в этом поле, не зависящую от внешних источников. Мировой тенденцией являлось движение к современному экономическому обществу путем выделения собственных экономических законов функционирования поля, отделения экономической власти от политических структур и оформление института собственности как основания экономической власти. Институт собственности как экономической монополии на материальные ресурсы обусловил формирование плюралистического социально-политического порядка.

После гражданской войны советское общество эволюционировало от общества с элементами плюрализма социального порядка, многоукладности экономики и автономности социально-культурных сфер через процессы коллективизации, индустриализации, политические процессы 1930–1950-х гг. к административно-командной системе. Процесс деинституционализации начинался с уничтожения людей — носителей определенных институциональных экономических ролей — торговцев, банкиров, предпринимателей и мн. др. Происходила одновременно с этим и ликвидация учреждений, организаций (акционерных обществ, банков, посреднических контор). Нормы и правила рыночного взаимодействия заменялись отношениями вертикального подчинения, мотивация прибыли заменялась политическими целями, отношениями. Политические критерии заменяют критерии экономической эффективности, экономическое взаимодействие полностью замещается критериями политического участия, трактуемого соответственно принципам демократического централизма: выборность снизу доверху

(на безальтернативной основе), отчетность сверху донизу (без каких-либо возможностей применить меры ответственности) и т.п. То есть, говоря языком школы Бурдьё, экономическое поле функционирует по законам и критериям политического поля.

Процессы рыночной институциональной трансформации политической и экономической сфер предполагают отпадение экономики от «макрокосма» политической власти, что соответствует мировой тенденции формирования современного рыночного общества.

Институт предпринимательства — условие рыночной трансформации, поскольку предприниматель по определению действует в экономическом пространстве не по политическим законам, а по законам экономического поля. Начиная с А. Смита, почти все исследователи выделяли следующие черты предпринимательства:

- высокая степень экономической свободы, свободный выбор направленности деятельности;
- административно-хозяйственная автономия, заключающаяся в свободном выборе форм организации, деловых партнеров, свободном заключении контрактов;
- риск и высокая степень ответственности предпринимателя за результаты деятельности;
- основным мотивационным ядром предпринимательской деятельности является максимизация прибыли;
- увеличение денежной прибыли выступает критерием успеха.

Обычно выделение той или иной черты в качестве основной зависит от целей исследователя. Так, Т. И. Заславская, выделяя базовые черты бизнес-слоя, подчеркивает автономию принятия экономических решений и несение за них личной ответственность [2].

Административно-хозяйственная автономия чрезвычайно важна для рыночного функционирования и свободы образования ассоциаций. Предпринимательские стратегии во многом состоят именно в умении быстро и оперативно создавать такие организационные союзы для выпуска новой

продукции, разработки новой технологии и т.д. Инициативное предприимчивое поведение является условием экономического саморегулирования в противоположность бюрократическим методам управления экономикой.

В монополистическом государственно-централизованном пространстве ни то, ни другое невозможно. В условиях жестко централизованной управленческой вертикали у каждого есть начальник и нет свободы организационного поведения. Поэтому у людей практически нет и возможности без санкции сверху образовывать свободные ассоциации — добровольные объединения на основе децентрализованных горизонтальных связей.

Децентрализация государственного управления или, по крайней мере, смягчение его пресса связано непосредственно с формированием институциональной структуры рыночного общества, целью экономической политики реформируемого общества. Осуществление децентрализации может происходить как административная реформа путем делегирования центральной администрацией ряда властных полномочий другим административным структурам, наделением последних самостоятельностью в различных сферах в соответствии с нормами административного права. Децентрализация может осуществляться и спонтанно, в результате потери способности центральной властью контролировать подвластные уровни управления.

Децентрализация государственного управления российского общества началась с перестройки 1980-х гг. в СССР. Ослабление центральных органов власти явилось естественным следствием реформирования политической сферы после жесткого монополизма одной партии, объединенной с системой государственного управления. По мере углубления политического кризиса, сопровождающегося экономическими проблемами, стала очевидной невозможность для Центра удерживать хозяйственно-политический контроль за периферией — регионами страны. Развал единого государственно-политического пространства привел к

развалу территориального единства СССР и был продолжен в процессах суверенизации российского государства (так называемый парад суверенитетов).

Распад СССР стал первой ласточкой процесса политической децентрализации, поскольку территориальное устройство и территориальная конфигурация политической власти в стране была самым слабым звеном политического централизма. С. Валентей утверждает, что одним из главных парадоксов государственности советского типа было то, что при зацентрализованной системе управления и контроля, в условиях подчинения всего народно-хозяйственного комплекса реализации единой стратегической цели, национально-государственное устройство Союза базировалось на территориальной децентрализации, причем особого рода [9].

Эта особенность состоит в дифференциации экономического пространства по культурно-этническому принципу. В отличие от принципов европейской государственности, которая построена на государственно-национальном объединении вне зависимости от этнокультурного происхождения, советский принцип территориально-государственного устройства опирался именно на этнокультурный фактор.

Попытки преодоления противоречий национально-этнического устройства со стремлением ускорить экономическое обобществление через централизацию управления привели к формальному характеру федеративного устройства СССР.

Попытки расширения контроля в силу масштабной территории СССР приводили к утрате управляемости отдельными областями экономической жизни. Центр все меньше мог распоряжаться сырьевыми и финансовыми ресурсами в отдельных регионах, в результате экономика страны распалась на республиканско-региональные сектора. Распад Союза был закономерным первым шагом к децентрализации государственного управления.

В этом контексте, однако, следует отметить, что развал Союза ССР не привел к изменению характера самой государствен-

ности и не сказался существенно на децентрализации государственного управления, поскольку институциональная система общества пока была ориентирована на прежнюю монопольную структуру собственности и прежние практики государственного управления.

Реформирование российской государственной власти по пути децентрализации в качестве институционального основания предполагает следующее:

1) оформление плюрализма собственности – разделение собственнических полномочий на различных уровнях субъективации – федеральный, региональный, муниципальный;

2) развитие реформ по пути снятия избыточного государственного регулирования экономики, что является экономическим фундаментом процессов децентрализации государственной власти;

3) административная реформа, предполагающая реализацию принятых в современном обществе направлений децентрализации власти.

Эти направления в современных государствах могут быть следующими:

1) реализация принципа разделения властей;

2) распределение функций государства между специализированными властными органами;

3) разграничение предметов ведения, полномочий и ресурсов между органами власти отдельных уровней государственно-территориального устройства;

4) передача части полномочий госорганов негосударственным структурам.

Названные тенденции и направления развития выступают основой регионализации и локализации социальных порядков. Традиционно считается, что децентрализованные модели государственного управления сложнее и требуют несоизмеримо больше усилий для поддержания целостности.

Федерализм, в классическом его понимании, – принцип, режим, форма государственного устройства, позволяющие обеспечить единство и разделение госу-

дарственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях. Однако даже такое простое определение дискуссионно, так как многие специалисты сомневаются в возможности соединить в единой дефиниции принципы и форму их реализации.

Авторы исследования о федерализме В. Н. Иванов и О. А. Яровой полагают, что федерализм – это форма государственного устройства, в основе которой лежит объединение нескольких государств (национально-государственные и административно-территориальные образования) в единое государство (федерацию) с общими для всех конституцией, законодательством, гражданством, едиными принципами взаимоотношений федеральной власти и субъектов федерации (федеративных отношений) [3]. То есть эти авторы делают акцент на федерализме как государственно-правовом институте, закрепляющем модель децентрализации государственной власти.

С этим мнением не согласен социолог и политолог Э. В. Тадевосян, утверждая, что данное определение включает целую серию неверных суждений: во-первых, налицо отождествление понятий «федерализм» и «федерация», но это неправомерно, поскольку первое из них охватывает более широкий круг государственных отношений, именуемых «полуфедерациями», «квазифедерациями», «регионалистскими государствами», «государствами автономий» и т.п., а во-вторых, федерализм представляет собой не только правовой институт, но и определенный тип общественных отношений, проявляющийся в различных областях общественной жизни.

Выявляя политические механизмы конституирования субъектов экономической политики разного уровня, следует учитывать широкий контекст федеральных отношений. Но в данном случае особое внимание необходимо обратить на структурное оформление плюрализации территориальных социальных порядков на основе осуществления децентрализации государственной власти.

Дело в том, что региональный порядок как форма локального порядка может быть представлен как иерархическая структура, которая формирует и поддерживает свои специфические нормы и правила, стремится воспроизводиться на собственной основе, преследует собственные (в том числе корпоративные, отраслевые) интересы, которые могут не совпадать с интересами общества в целом. Существенная особенность локальных порядков заключается в их стремлении к дезинтеграции, а потому необходимо эффективное средство разрешения противоречий, возникающих между этими порядками.

Путь через демонстративное выделение собственных интересов и дезинтегрирующие тенденции прошли почти все субъекты Российской Федерации. Политико-экономический кризис российского общества обострил на определенном отрезке времени деkonsолидацию федеральных структур. Кланово-корпоративные группы в центре остро нуждались в поддержке ряда мощных региональных элит для сохранения своих властных позиций. Пользуясь этим, национальные республики, во главе с Татарстаном, успешно проводят курс на максимальную суверенизацию в рамках федерации. Отсутствие четко разработанной законодательной базы, принципов регулирования отношений «центр - регионы»,

«центр – субъекты федерации» привели к тому, что каждый субъект заключал с Центром двусторонний договор о разграничении полномочий и предметов ведения. Такой договор в ряде случаев закреплял привилегированное положение отдельных регионов, обладающих уникальной комбинацией ресурсов, монопольным производством и т.п. Тот же Татарстан, на территории которого располагались крупнейшие предприятия автомобилестроения, авиационные, нефть и нефтепереработка и т.п., добился особого положения в плане формирования налоговой базы. Россия превратилась из формально-конституционной федерации в договорно-конституционную.

Выводы. В итоге подчеркнем, что на определенном этапе развития тенденций децентрализации государственной власти такая ситуация вполне допустима, поскольку развивалась в условиях правового вакуума. Прямые двусторонние договоры смягчают конфликтность отношений между Центром и субъектами федерации, но в свою очередь создают новое поле конфликтов, связанное с неравномерностью экономического развития регионов, закреплением регионального монополизма и тенденций дезинтеграции общероссийского экономического пространства. В связи с этим возрастает роль взвешенной и концептуально обоснованной региональной политики.

Список литературы

1. Булах Е. В. К проблеме формирования субъектной системы государственной экономической политики в современных условиях // Вестн. Забайкал. гос. ун-та 2016. Т. 22. № 3. С. 50–59.
2. Заславская Т. Н. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 5. С. 7–15.
3. Иванов В. Н., Яровой О. А. Российский федерализм: становление и развитие. М.: Наука, 2011. 238 с.
4. Лебедева Н. Н. Новая институциональная экономическая теория. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012. 200 с.
5. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Наука, 1996. 351 с.
6. Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов. М.: Ленанд, 2014. 144 с.
7. Суховский М. Л. Проблема субъекта в хозяйственной деятельности М.: Прогресс, 2011. 672 с.
8. Фролов С. С. Социология организаций. М.: Гардарики, 2011. 186 с.
9. Экономическая безопасность России / под ред. В. К. Сенчагова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 256 с.
10. Якунин В. И. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М.: Научный эксперт, 2012. 165 с.

References

1. Bulakh E. V. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 3, pp. 50–59.
2. Zaslavskaya T. N. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* (Economic and Social Changes: Monitoring of Public Opinion), 1994, no. 5, pp. 7–15.
3. Ivanov V. N., Yarovoy O. A. *Rossiyskiy federalizm: stanovlenie i razvitiye* [Russian federalism: formation and development]. Moscow: Science, 2011. 238 p.
4. Lebedeva N. N. *Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya* [New Institutional Economics]. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House, 2012. 200 p.
5. Оукен В. *Osnovy natsionalnoy ekonomii* [Basis of national economy]. Moscow: Science, 1996. 351 p.
6. Sukharev O. S. *Teoriya disfunktsii ekonomicheskikh sistem i institutov* [Dysfunction theory of economic systems and institutions]. Moscow: Lenand, 2014. 144 p.
7. Sukhovskiy M. L. *Problema subekta v hozyaystvennoy deyatel'nosti* [The problem of the subject in the economic activity]. Moscow: Progress, 2011. 672 p.
8. Frolov S. S. *Sotsiologiya organizatsiy* [Sociology of an organization]. Moscow: Gardariki, 2011. 186 p.
9. *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii* [The economic security of Russia]; Ed. V. K. Senchagova. Moscow: Binom. Laboratory of knowledge, 2010. 256 p.
10. Yakunin V. I. *Ideologiya ekonomicheskoy politiki: problema rossiyskogo vybora* [Ideology of economic policy: the problem of the Russian selection]. Moscow: Science Expert, 2012. 165 p.

Коротко об авторах

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры «Социально-правовые дисциплины», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации
il.romanova2010@yandex.ru

Булах Евгений Васильевич, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: политические науки, социология, экономика, государственное и муниципальное управление
bulakhevg@mail.ru

Васильева Татьяна Александровна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: политические науки, политические институты и процессы, государственное и муниципальное управление
vasileva.ta@dvfu.ru

Briefly about the authors

Iona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of singleness, business communication

Eugeny Bulakh, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, sociology, economics, state and municipal management

Tatyana Vasilyeva, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, political institutions and processes, state and municipal management

Образец цитирования

Романова И. В., Булах Е. В., Васильева Т. А. Институциональное развитие политической и экономической сфер в условиях процессов децентрализации государственного управления // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 2. С. 76–85. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-2-76-85

Romanova I. V., Bulakh E. V., Vasilyeva T. A. Institutional development of political and economic spheres in terms of public administration decentralization // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 76–85.

Дата поступления статьи: 09.02.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.02.2017 г.